

ОТРАЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ПАРЕМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Научная статья

Кушнарева А.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2618-287X;

¹ Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (a.v.kushnareva[at]gmail.com)

Аннотация

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть понятие «стереотип» с современных междисциплинарных позиций (лингвокультурологии, этно- и психолингвистики). Языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. Языковые стереотипы значимы для самосознания и самоидентификации народа. На основе анализа данных направленного ассоциативного эксперимента и ассоциативных словарей раскрывается значение единиц «труд», «дело», «работа», «лень» в сознании носителей русского языка. В статье рассматриваются как традиционные идиомы, так и новейшие паремиологические единицы – неопаремии. Описываются трансформационные процессы стереотипных представлений, отраженных в пословицах и поговорках. Полученные результаты исследования могут быть включены в академические курсы по психолингвистике и паремиологии.

Ключевые слова: картина мира, направленный ассоциативный эксперимент, стереотип, языковое сознание.

DEPICTION OF STEREOTYPES IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AND THE PAREMIC WORLDVIEW

Research article

Кушнарева А.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-2618-287X;

¹ Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russian Federation

* Corresponding author (a.v.kushnareva[at]gmail.com)

Abstract

The aim of this study is to consider the concept of «stereotype» from modern interdisciplinary points of view (linguocultural, ethno- and psycholinguistics). The linguistic picture of the world and the linguistic stereotype relate as part and whole, while the linguistic stereotype is considered the subjective deterministic representation of the subject, in which descriptive and evaluative features coexist, as well as the result of interpretation of reality within socially developed cognitive models. Linguistic stereotypes are important for the identity the people. On the basis of the data analysis of the direct association experiment and associative dictionaries, the value of units of «labour», «business», «work», «laziness» in the consciousness of Russian speakers is revealed. The article considers both traditional idioms and the newest paremiological units - neo-paremia. Transformational processes of stereotypical representations reflected in proverbs and sayings are described. The results of the research can be included in academic courses in psycholinguistics and paremiology.

Keywords: worldview, direct association experiment, stereotype, linguistic consciousness.

Введение

Принято считать, что человек существует в мире стереотипов, заданных этнической культурой. Процесс интериоризации стереотипных представлений начинается в раннем детстве и продолжается на протяжении всей жизни. «Наличие основного стереотипного ядра знаний, проявляющихся в процессе социализации личности в обществе, определяет принадлежность к конкретной культуре» [1, С. 176].

Определение стереотипа впервые введено в научный обиход Уолтером Липпманом в 1922 году. Под стереотипом автор понимает «устойчивое культурно детерминированное представление человека о мире, существующее как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки. Стереотипы выполняют функции схематизации и упрощения, формирования и хранения групповой идеологии, а также способствуют закреплению социальных традиций» [2, С. 192]. По мнению У. Липпмана, стереотипы всегда ориентированы на определенный идеальный образ мира, закреплённый в сознании группы, и способный отвечать ожиданиям группы, ориентируя индивида в большом потоке информации и помогая сохранить высокую самооценку.

Стереотипы формируют константы языковой картины мира – «логически неизменной глобальной модели мира в сознании людей, где периферийную нишу занимает лингвистическая составляющая, которая варьируется от языка к языку» [3, С. 5]. Стереотипы находят выражение в этническом языке, в его лексике, в единицах паремиологического фонда национального языка, под которым понимают совокупность народных изречений, востребованных в современном дискурсе. Изучение национально-культурной специфики паремических картин мира представляет интерес для исследователей, так как паремии иллюстрируют эволюцию знания о мире и человеке, системе нравственных ориентиров. Стереотипы призваны представлять этническое сознание, мировоззрение этноса, что также позволяет рассматривать их как важную составляющую языковой картины мира. Аккумулируя и транслируя элементы культурной памяти народа, паремии объединяют носителей культуры и языка и обеспечивают связь между поколениями. Наследуя паремическую картину мира, новое поколение принимает сложившееся в социуме

миропонимание и обогащает его новыми смыслами [4, С. 137]. Паремическая картина мира рассматривается нами как «специфическое лингвоментальное образование», структура которого обусловлена культурно детерминированными смыслами, выражающими стереотипы народного сознания [5, С. 4].

Семантическая стереотипизация, проявляющаяся в языковых клише, в идиоматических выражениях, называется языковыми стереотипами, которые фиксируются в словарях и сборниках. Включение антропоцентрической парадигмы в лингвистику позволяет исследователям выйти за рамки лексикографического описания языковых явлений и исследовать стереотипы, отраженные в паремиях, в дискурсивном аспекте на материале данных ассоциативных экспериментов. Когда мы говорим о языковых стереотипах этнокультурного характера, то имеем в виду, прежде всего, объективированные в языке признаки, понятия, концепты окружающей нас реальности, составляющие «лингвокогнитивную конфигурацию языковой картины мира» [6, С. 12]. Этнически обусловленные представления порождают языковые стереотипы, потому в основе их содержания лежит не просто зафиксированные в языке (номинативных моделях, фраземах и паремиях) оценочные образы. Когнитивным субстратом каждого языкового стереотипа является один из этнокультурных концептов, фундаментирующих языковую картину мира. Этноязыковые стереотипы играют в языковой картине мира структурообразующую и этноидентифицирующую роль.

Проблемой стереотипа в психолингвистике занимаются такие ученые, как В. В. Красных, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин. В. В. Красных понимает под стереотипом некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира [2, С. 178]. Таким образом, стереотип может также исследоваться с позиций языкового сознания, которое описывает язык как достояние группы людей в зависимости от внешних условий (национальность, пол, возраст профессия, социальное положение), а также отражает отношение людей к действительности.

В лингвокультурологии термин «стереотип» понимается как ментальный стереотип, т.е. относится к содержательной стороне взаимодействия языка и культуры. Языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как «суждение или несколько суждений, относящихся к определённому объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [6, С. 11-12]. Как и в некоторых других работах, в наших исследованиях к языковым стереотипам мы причисляем не только суждения, но и устойчивые выражения, состоящие из нескольких слов: идиомы, паремии, устойчивые сравнения, клише и т.д.

По мнению Э. А. Салиховой, языковое сознание – это один из видов обыденного сознания, являющееся средством формирования, хранения, переработки языковых знаков и выражаемых ими значений, правил их сочетания и употребления [7, С. 41]. Н. В. Уфимцева понимает под языковым сознанием совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками или образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей [8, С. 206]. Такой подход характеризуется наличием личностного смысла и эмоциональной составляющей.

Основные результаты

Анализ лексических значений интернациональных стереотипов с помощью ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) и метода шкалирования был проведен В. А. Рыжковым [9]. Результаты эксперимента позволили ученому дать следующее определение стереотипу: «Единица языка, вызывающая на психовербальном уровне в сознании представителей определенной национально-культурной общности некоторый минимум сходных ассоциативных реакций по ряду семантических признаков оценочного характера, может быть квалифицирована в качестве стереотипа» [9, С. 14]. При этом, «ассоциативный комплекс каждой вербальной единицы, в особенности стереотипа, характеризуется некоторой ригидностью, обусловленной национально-культурными факторами. Эти факторы отражают этнопсихолингвистическую специфику, свойственную типу мотивации, характеру имеющихся или предполагаемых потребностей в том или ином социуме» [9, С. 14]. В. А. Рыжков обращает внимание на регулятивную роль стереотипов в рамках мотивационного механизма поведения личности и таким образом определяет стереотипы как «относительно константные, субъективные, эмоционально-оценочные образы некоторых потребностей, санкционированных социально» [9, С. 15]. Данный подход позволяет автору рассматривать стереотипы в более широком понимании, так как, с одной стороны, содержание стереотипа есть отражение объективной социальной действительности, а с другой, – преломляет субъективную систему связей, отношений, ассоциаций в сознании и деятельности субъектов. Именно такое понимание стереотипа объясняет полярность его восприятия разными социальными группами [9, С. 16].

По аналогии с алгоритмом анализа данных проведенного В. А. Рыжковым эксперимента на основе статей из «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса ЕВРАС» [10] рассмотрим значение единиц «**труд**», «**дело**», «**работа**» и «**лень**» в сознании носителей русского языка, проследим, как выражаются значения в пословицах и неопаремиях, полученных во время направленного АЭ со студентами УГАТУ.

Согласно исследованию, проведенному Н. В. Уфимцевой [8], понятия «**работа**» и «**дело**» входят в ядро языкового сознания (ЯС) русских, и занимают семнадцатое и двадцать второе место соответственно. На первом этапе РАС (1988–1991 гг.) понятие «**труд**» входило в ядро ЯС носителей русского языка и занимало пятьдесят четвертую позицию, но затем было вытеснено другими реалиями и в настоящее время в ядре ЯС не представлено.

В. В. Колесов полагает, что в основе традиционного русского характера – труд в суровых климатических условиях, предполагающий риск, опасность, борьбу без всякой гарантии на удачу [11, С. 488]. Традиционные представления о ценности и желательности труда можно встретить в паремиях: *Без труда не вынешь и рыбку из пруда, Старание и труд к счастью ведут, Терпенье и труд все перетрут, Землю красит солнце, а человека – труд*. Из приведенных пословиц становится понятно, что в русской паремической картине мира «**труд**» требует от человека старательности, усердия и предельной концентрации воли, без которой едва ли возможно добиться значимого результата, поскольку

идея труда в русском представлении – это «идея большого дела» [11, С. 489]. О другой стороне понятия труд свидетельствуют синонимичные по значению фразеологизмы: *Сизифов / мартышкин / напрасный труд*. Так говорят про бессмысленную, бесполезную и неблагодарную работу. Подобное переосмысление труда как деятельности находит отражение в ЕВРАС. Н. В. Уфимцева [8] считает, что, *труд* для русских – это *тяжелый* (40), *непосильный* (7), *напрасный* (6), *каторжный* (5), *бесполезный* (4), хотя иногда и *облагораживает* (в скобках здесь и далее указано количество данных респондентами ответов). Возможно, именно по этой причине в русской паремической картине мира всегда актуальны пословицы, предупреждающие человека о нежелательности чрезмерных усилий в работе и о возможных рисках для здоровья: *От трудов праведных не нажить палат каменных, От работы не будешь богат, а будешь горбат, У Бога много дней впереди: наработаемся, Дело – не медведь, в лес не уйдет*.

Интересным представляется то, что понятия «**труд**» и «**дело**» в сознании русских не связаны с процессом зарабатывания денег. Согласно данным словаря ЕВРАС [10], дело – это прежде всего *работа* (90), на которую уходит *время* (25). Дело – это нечто *важное* (34), а еще бывает *уголовным* (24), и все чаще ассоциируется с реалией английского происхождения – *бизнес* (18). Во «Фразеологическом словаре русского языка» М. И. Степановой зафиксировано более ста сорока идиоматических выражений с анализируемым ключевым компонентом. Фразеологические единицы отличаются семантически-стилистическим разнообразием и отражают пеструю палитру закрепленных в сознании русского человека ассоциаций по отношению к делу и деятельности как к процессу: *от святого (благородного) дела, к чудному (невероятному) делу, и заканчивая мокрым / кровавым делом (убийством)* [12, С. 146–151].

Известно утверждение, что русский человек, запланировав что-то сделать, никогда не берется за работу сразу: он начинает сначала готовиться, и готовится он так долго, что нередко за приготовлениями забывает о самом деле [11, С. 488]. Пословицы о деле призваны поддержать и усилить созидательную энергию русского человека, нерешительного по своей натуре: *Большие дела – меньше слов, Делу – время, а потехе – час, Без дела жить – небо коптить, Дело мастера боится, Деревья смотри в плодах, а людей – в делах*.

Перейдем к анализу понятия «**работа**». В настоящее время рассматриваемая нами реалья занимает семнадцатое место в ядре ЯС и «соседствует» с понятиями «**любовь**» и «**вода**», без которых не может существовать человек, что представляется весьма символичным. Работа в сознании русских – это, прежде всего, *деньги* (52), *оплачиваемый труд* (46), она бывает *тяжелой* (19) и *трудной* (13). Стереотипное представление *работа – не волк* отражено в тридцати пяти реакциях, что подтверждает процитированную ранее мысль о том, русский человек никогда не торопится немедленно приступить к работе. Закрепившаяся в русской паремической картине мира идиома *Работа – не волк, в лес не убежит* при детальном рассмотрении оказывается усеченным вариантом старинной пословицы *Работа – не волк, в лес не убежит, потому ее, окаянную, делать и надо*. Смысловая доминанта традиционного суждения о необходимости безотлагательного выполнения любой, пусть даже немилый душе и сердцу русского человека работы, в новой трактовке паремии замещается на несрочность или вовсе на необязательность работы. Запущенный в прошлом процесс переоценки и переосмысления стереотипов продолжается и по сей день. Так, в сборнике «Антипословиц и афоризмов» собраны трансформированные варианты традиционных идиоматических выражений, которые мы называем **неопаремиями**. Подобные изречения обладают повышенной степенью экспрессивности и отражают актуальное (часто обусловленное контекстом и ситуацией общения) отношение говорящего к новым реалиям: *Работа – не волк, а большое свинство!, Работа – не волк, есть не просит, Работа – не волк, а произведение силы на расстояние* [13, С. 239]. В представленных примерах понятие «**работа**» несколько обесценивается, хотя так происходит не всегда. Так, в неопаремии *Работа – не волк, а отпуск так недолог* [13, С.240] выражается ставшая привычной идея о том, что работу все равно придется делать. Поговорка *От работы кони дохнут* также представляет собой своего рода неопаремию, образованную путем усечения компонентного состава. Полная версия исходной пословицы *От работы кони дохнут, а люди крепнут* сейчас практически не встречается ни в речи носителей языка, ни в заголовках СМИ, поскольку суждение, выраженное во второй части идиомы, является по современным меркам весьма спорным. Кроме того, отметим, что экспрессивный и ассоциативный потенциал первой части исследуемой паремии более явно выражен, чем потенциал второй части.

Лень – это важная составляющая человеческого устройства, которая «ограничивает людей в достижении желаемого, ставит пределы вообще всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия» [14, С. 336]. Русская лень – не сонная, вялая, а созерцательно-мечтательная [11, С. 479], [14, С. 344]. О практической пользе лени для человека свидетельствуют такие идиомы, как *Больше спишь – меньше грешишь, Всех дел не переделаешь, Всех работ не переработаешь, Ленивому не болит в хребте, Лень одежду бережет* и *У Бога дней впереди много: наработаемся*. Лень защищает человека от суеты, перегрузок и выгорания. Она заставляет людей не торопиться, не начинать дела без раздумий. По мнению И. Б. Левонтиной, в русской культурной традиции «лень как таковая не вызывает особого раздражения, воспринимаясь как понятная и простительная слабость, а иной раз и как повод для легкой зависти: *Ленивому всегда праздник* [14, С. 343]. Напротив, чрезмерная активная деятельность выглядит в глазах русских подозрительно, поэтому довольно часто можно услышать фразу, отражающую типичную реакцию на чужие достижения: *Вот не лень же людям!*. Анализ реакций из словаря ЕВРАС на стимул (S) **ЛЕНЬ** показал, что это понятие связано в ЯС носителей с уменьшительно-ласкательным словом *матушка* (34). Этот важный для русской культуры эпитет используется для обозначения источника жизненной силы, например, *Русь-матушка, деревня-матушка*. Вторая по частоте реакция – *диван* (25), затем следуют реакции *плохо* (24), *неохота* (17) и *усталость* (16).

Обсуждение

Направленный АЭ, участниками которого стали студенты I-II курсов УГАТУ, проводился в 2014-2020 гг. Респондентам предлагалось придумать собственные неопаремии, опираясь на стимульные слова-опоры из традиционных русских пословиц: **БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ (И), ДЕЛО, ГУЛЯЙ СМЕЛО, НЕ ОТКЛАДЫВАЙ НА ЗАВТРА**. Ниже представлены неопаремии студентов участников АЭ.

БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ (И): без бухла не вытащишь и дятла из дупла / без денег не купишь / без труда не почешешь спинку у пруда / вилку из розетки / деньги с должника / доброты из человека / друга из дома / задрота / ребенка от компа / крота изо рта / крошки из пупка / кто не работает, тот не ест / лентя по утрам / маленькое дело лучше большого безделья / не получишь пятерку никогда / ногу из валенок / огурец из банки / репку с грядки / рыбку из аквариума / рыбку из консервов / себя с низов. Вроде поднялся, а нет: сорвался в ров! / танк из пруда / флешку из компа / хребет из дурака, который тебе на белые кеды наступил / Хрулёва из долга / шубу из квартиры соседей

НЕ ОТКЛАДЫВАЙ НА ЗАВТРА: если можно на послезавтра (22) / то, что делать не нужно (4) / а откладывая на выходные / а сделай сегодня и забудь / а то завтра не станет / ведь сегодня будет лучше / все равно не сделаешь / живи сегодняшним днем! / завтра может уже не быть / завтра не день для сегодня / ибо то, что ты получил сегодня, получишь и завтра / курсовую / но и не торопись / откладывая на вечер воскресенья, не прогадаешь / откладывая на вчера / поспи поменьше / сразу выбрасывай из головы / термех и матан / то, с чем париться неделю / то, что вообще никогда не успеешь сделать! / то, что завтра испортится / то, что завтра не отложится / то, что может стухнуть! / то, что можно вообще не делать / то, что можно есть сегодня / то, что можно сделать через неделю / то, что можно стырить сегодня / то, что можно съесть сегодня / то, что надо было сделать еще раньше / то, что сделал сегодня / что можешь сегодня – сделай послезавтра, будешь иметь два свободных дня / что можно сделать вчера

ГУЛЯЙ СМЕЛО: сегодня пятница / а делай умело / все равно всем пофиг / если рядом пара крепких парней / коль на кухне все сгорело / но не долго / пока молод и холост / пока не влюбился / раз не боишься дела! / завалил дело – гуляй смело / закончил работу, можно отдохнуть! / когда нет дела, гуляй смело / не делай дело / нет худа – гуляй смело / оставил деньги дома – гуляй смело / отслужил в армии – гуляй смело / пей смело / пока холостой, гуляй смело / получил зарплату – гуляй смело! / раз нет дел, гуляй смело / сделал дело – вымой руки / сделал дело, гуляй смело, пока можешь / с сухими ногами

ДЕЛО: дело не испортил, мастером не будешь (2) / больше делай, меньше развлекайся / бросил дело – гуляй смело / дело – не баба, не подведет / дело в шляпе / дело важнее слов / дело делай смело / дело мастера боится. / дело – деньги / дело – тоска / дело лежит на столе у прокурора / дело лени не товарищ / дело мастера боится, а потому в руки не дается / дело не ждет / делу время, потей сейчас / дело отдыху не помеха / дело прокурора боится / дело с телом не разговаривает / дело смело твори сейчас / делу – время, а потехе – бабы / делу время, а безделью вечность / делу время, потехе час, а себе жизнь / закончил дело, можно и поспать / любое дело лучше диплома / не боги горшки обжигают – у них и без этого дел куча / сделай доброе дело, и оно тебя достанет / у кого нет своего дела, тому дело до всего

Поскольку участниками АЭ эксперимента стали молодые люди 17–20 лет в их ответах присутствуют субстандартные единицы, наличие которых объясняется стремлением усилить воздействие на слушателя и повысить экспрессивность выражения. Также отметим, что при этом в неопаремиях сохраняется стереотипная ритмическая организация, присущая исходной поговорке: без бухла (алкоголя) не вытащишь и дятла из дупла / без труда не вытащишь задрота (т.е. человека, который с головой ушел в компьютерные игры или программирование) от компа / флешку из компа (компьютера) / хребет из дурака, который тебе на белые кеды наступил. / Делу – время, а потехе – бабы. / Не откладывая на завтра то, что можно стырить сегодня.

Некоторые студенты приводили в качестве ответа на задание традиционные идиомы, синонимичные исходной: Кто не работает, тот не ест. / Маленькое дело лучше большого безделья / Дело не испортил, мастером не будешь. / Дело мастера боится. / Дело в шляпе. / Дело мастера боится, а потому в руки не дается. / Дело важнее слов. / Не боги горшки обжигают – у них и без этого дел куча. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что единицы паремической картины мира существуют не разрозненно, а способны образовывать между собой ассоциативные связи, причем эти связи могут быть носить индивидуальный характер. Переосмыслением личного опыта можно объяснить следующие неопаремии: Без труда не вытащишь себя с низов. Вроде поднялся, а нет: сорвался в ров! / не получишь пятерку никогда / деньги с должника / лентя по утрам / Хрулёва из долга / доброты из человека / друга из дома.

Основная стратегия создания новой паремии состоит в замене компонентов и, как следствие, во включении паремии в нестандартную, часто абсурдную ситуацию: БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ (И): рыбку из аквариума / рыбку из консервов / вилку из розетки / шубу из квартиры соседей / огурец из банки / крота изо рта / крошки из пупка / танк из пруда / ногу из валенок / репку с грядки / без труда не почешешь спинку у пруда.

В неопаремиях, образованных от S-ГУЛЯЙ СМЕЛО, в одиннадцати случаях студенты при ассоциировании не отталкивались от поговорки-прототипа, а описывали, что они подразумевают под словом «гулять»: с сухими ногами / если рядом пара крепких парней / сегодня пятница / но не долго / пока не влюбился / пока молод и холост / пей смело / оставил деньги дома – гуляй смело / все равно всем пофиг / коль на кухне все сгорело / получил зарплату – гуляй смело! В десяти случаях прослеживалась связь с первым компонентом исходной паремии – дело: бросил дело – гуляй смело / завалил дело – гуляй смело / закончил работу, можно отдохнуть! / нет худа – гуляй смело / раз нет дел, гуляй смело / сделал дело – вымой руки / делай умело раз не боишься дела! / сделал дело, гуляй смело, пока можешь / когда нет дела, гуляй смело / не делай дело. / отслужил в армии (большое дело) – гуляй смело.

Стереотипное представление о лени как о простительном недостатке, о нежелании студентов планировать свою учебу и работу, а также о привычке все делать в последний момент говорят закрепившиеся в языке трансформированные паремии: не откладывая на завтра, если можно на послезавтра (22) / то, что делать не нужно (4) / сразу выбрасывай из головы / все равно не сделаешь / откладывая на вечер воскресенья, не прогадаешь / откладывая на вчера / то, что можно сделать через неделю / что вообще никогда не успеешь сделать! что можешь сегодня – сделай послезавтра, будешь иметь два свободных дня / что можно сделать вчера / но и не торопись. В следующих реакциях участники эксперимента поддерживают логику исходной паремии, дополняя ее в соответствии со своей креативной задумкой: не откладывая на завтра курсовую / термех и матан / то, с чем париться неделю / то, что надо было сделать еще раньше / то, что сделал сегодня / а сделай сегодня и забудь / а то завтра не станет /

ведь сегодня будет лучше, живи сегодняшним днем! / завтра может уже не быть / ибо то, что ты получил сегодня, получишь и завтра / посты поменьше.

В трех реакциях студенты предлагают не откладывать (в холодильник) то, что можно съесть сегодня и то, что завтра уже испортится.

Заключение

Анализируя осознаваемые и неосознаваемые знания (фрагмент языкового сознания) о «**труде**», «**деле**», «**работе**» и «**лени**», мы рассматриваем их как социальные стереотипы, которые понимаются нами как аффективно окрашенные фрагменты языкового сознания. Знания, входящие в эти стереотипы, формируются под влиянием социума и культуры. Культура представлена в форме знаний, смыслов, концептов и всем тем, что входит в понятие «этнический менталитет» [15, С. 264].

Массовый ассоциативный эксперимент и построение по его результатам ассоциативно-вербальной сети, с точки зрения Н. В. Уфимцевой, является одним из методов обнаружения системности образа мира, что, в свою очередь, позволяет определить систему культурных стереотипов [15, С. 266], [16, С. 98]. Под культурными стереотипами, или парадигмами образов языкового сознания, Н. В. Уфимцева понимает способы восприятия, «которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов)» [16, С. 99]. Усвоение культурных стереотипов или инвариантных образов фрагмента мира происходит в процессе социализации, поэтому культура «всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая» [16, С. 99]. Ассоциативное поле слова-S представляет собой «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, культурных стереотипов» [16, С. 98].

Исследование языкового сознания на материале АЭ, а также ассоциативных словарей позволяет подтвердить данные социальных и этнопсихологических исследований в области изучения этнокультурных стереотипов современных русских.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС От реакции к стимулу : в 2 т.; / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева – М.: Московская международная академия, 2018. – 1 т.
2. Адамчик М.В. Антипословицы и афоризмы. Веселая и умная книга / М.В. Адамчик – Минск: Харвест, 2012. – 320 с.
3. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
4. Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме: Монография / Э.А. Салихова – Уфа: Вагант, 2012. – 478 с.
5. Антонова Е.Н. Паремология без границ: монография / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова Т. Е. – М.: РУДН, 2020. – 244 с.
6. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2007. – 619 с.
7. Степанова М.И. Фразеологический словарь русского языка / М.И. Степанова – СПб: ООО «Виктория плюс», 2012. – 608 с.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
10. Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание. / Н.В. Уфимцева // Язык и культура. – 2009. – № 4 (8). – с. 98–111.
11. Семененко Н.Н. Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа. / Н.Н. Семененко, Г.С. Кривошеев // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 4. – с. 268–276.
12. Разумкова А.В. Стереотип в языковом сознании: психоллингвистический аспект / А.В. Разумкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. № 2. – с. 260–266.
13. Семашко Т.Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира / Т.Ф. Семашко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2014. – № 2. Ч. 2. – с. 176–179.
14. Чижова М.Е. Языковая картина мира как одно из основных понятий в современной когнитивной лингвистике / М.Е. Чижова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11, № 4. – с. 3–6.
15. Алефиренко Н.Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства. / Н.Ф. Алефиренко, Ш.К. Жаркынбекова // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. – 2014. – №3. – с. 11-20.

16. Рыжков В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности. / В.А. Рыжков // Языковое сознание: стереотипы и творчество; – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – с. 4–16.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Cherkasova G.A. Russkij regional'nyj associativnyj slovar'-tezaurus EVRAS [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS]: in 2 vol.; / G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva – М.: Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya, 2018. – 1 vol. [in Russian]
2. Adamchik M.V. Antiposlovicy' i aforizmy'. Veselaya i umnaya kniga [Anti-proverbs and aphorisms. A funny and smart book] / M.V. Adamchik – Minsk: Xarvest, 2012. – 320 p. [in Russian]
3. Zaliznyak A.A. Klyuchevy'e idei russkoj yazy'kovoj kartiny' mira [Key ideas of the Russian language picture of the world] / A.A. Zaliznyak, I.B. Levontina, A.D. Shmelev – М.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2005. – 544 p. [in Russian]
4. Salixova E'.A. Modelirovanie processov ovladeniya i pol'zovaniya psixologicheskoy strukturoj znacheniya slova pri bilingvizme: Monografiya [Modeling the processes of mastering and using the psychological structure of the word meaning in bilingualism: Monograph] / E'.A. Salixova – Ufa: Vagant, 2012. – 478 p. [in Russian]
5. Antonova E.N. Paremiologiya bez granicz: monografiya [Paremiology without boundaries: monograph] / E.N. Antonova, M.A. Bredis, T.E. Vladimirova T. E. – М.: RUDN, 2020. – 244 p. [in Russian]
6. Kolesov V.V. Russkaya mental'nost' v yazy'ke i tekste [Russian mentality in language and text] / V.V. Kolesov – Sankt-Peterburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. – 619 p. [in Russian]
7. Stepanova M.I. Frazеologicheskij slovar' russkogo yazy'ka [Phraseological dictionary of the Russian language] / M.I. Stepanova – SPb: ООО «Viktoria plyus», 2012. – 608 p. [in Russian]
8. Krasny'x V.V. E'tnopsixolingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures] / V.V. Krasny'x – М.: ITDGK «Gnozis», 2002. – 284 p. [in Russian]
9. Ufimceva N.V. Yazy'kovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability] / N.V. Ufimceva – М.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2011. – 252 p. [in Russian]
10. Ufimceva N.V. Obraz mira russkix: sistemnost' i sodержanie [The image of the Russian world: consistency and content]. / N.V. Ufimceva // Yazy'ki i kul'tura [Language and Culture]. – 2009. – № 4 (8). – p. 98–111. [in Russian]
11. Semenenko N.N. Paremicheskaya kartina mira kak provodnik e'tnokul'turnogo stereotipa [Paremic picture of the world as a conductor of an ethno-cultural stereotype]. / N.N. Semenenko, G.S. Krivosheev // Nauchno-metodicheskij e'lektronnyj zhurnal «Koncept» [Scientific and methodological electronic journal “Concept”]. – 2019. – № 4. – p. 268–276. [in Russian]
12. Razumkova A.V. Stereotip v yazy'kovom soznanii: psixolingvisticheskij aspekt [Stereotype in linguistic consciousness: psycholinguistic aspect] / A.V. Razumkova // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby' narodov. Seriya: Voprosy' obrazovaniya: yazy'ki i special'nost' [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: Languages and Specialty]. – 2017. – V. 14. № 2. – p. 260–266. [in Russian]
13. Semashko T.F. Stereotip kak fragment yazy'kovoj kartiny' mira [Stereotype as a fragment of linguistic worldview] / T.F. Semashko // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki. Tambov: Gramota [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. – 2014. – № 2. pt. 2. – p. 176–179. [in Russian]
14. Chizhova M.E. Yazy'kovaya kartina mira kak odno iz osnovny'x ponyatij v sovremennoj kognitivnoj lingvistike [Linguistic picture of the world as one of the main concepts in modern cognitive linguistics] / M.E. Chizhova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism]. – 2011. – V. 11, № 4. – p. 3–6. [in Russian]
15. Alefirenko N.F. Yazy'kovy'e stereotipy' russkogo e'tnokul'turnogo prostranstva [Linguistic stereotypes of ethnocultural space]. / N.F. Alefirenko, Sh.K. Zharky'nbekova // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva [Bulletin of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov]. – 2014. – №3. – p. 11-20. [in Russian]
16. Ry'zhkov V.A. Osobennosti stereotipizacii, neobxodimo soprovozhdayushhej socializaciyu individa v ramkax opredelennoj nacional'no-kul'turnoj obshhnosti [Peculiarities of stereotyping necessarily accompanying the socialization of an individual within a certain national-cultural community]. / V.A. Ry'zhkov // Linguistic consciousness: stereotypes and creativity; – М.: Institut yazy'koznaniya AN SSSR, 1988. – p. 4–16. [in Russian]